

---

pocket**book**



rocket**book**

Амор Тоулз

Джентльмен в Москве



Москва  
2019

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Coe)-44  
Т63

Amor Towles  
A GENTLEMAN IN MOSCOW  
Copyright © 2016 by Cetology, Inc.  
Фото автора © David Jacobs

Перевод с английского *Алексея Андреева*  
Художественное оформление *Андрея Саукова*

**Тоулз, Амор.**  
Т63 Джентльмен в Москве / Амор Тоулз ; [перевод с английского А. В. Андреева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-04-107609-2

Некогда поэт, граф Александр Ростов в 1922-м попадает под трибунал как враг рабочего класса. Вместо высшей меры наказания графа отправляют в крайне необычную ссылку – в отель «Метрополь», который он не имеет права покидать. Совсем.

Владелец большого поместья, никогда в своей жизни не работавший, теперь граф Ростов должен приспосабливаться и выживать в новых условиях, наблюдая за самыми страшными, поворотными событиями в нашей истории. Постепенно Ростов осознает, что джентльмены бывшими не бывают.

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Coe)-44

© Андреев А., перевод на русский язык, 2019  
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-107609-2

*Посвящается Стокли и Эсме*



Как я прекрасно помню,  
Когда оно пришло к нам тихим шагом,  
Дабы остаться с нами навсегда,  
Мелодия, похожая на горную кошку.  
И кому же мы сейчас нужны?

Точно так же, как и на многие другие вопросы,  
Я отвечу на этот, потупив глаза и очищая грушу.

Я раскланяюсь и попрошаюсь,  
И выйду за дверь  
В тихую радость  
Очередной не теплой и не холодной весны.

И знаю я вот что:  
То, что мы ищем, находится не среди  
Опавших листьев на Сенатской площади,  
Не в пепле в урнах на кладбище,  
Не в синих пагодах китайских безделушек.

Оно не в седельных сумках Вронского,  
Не в сонете XXX, первая строфа,  
И не на двадцать седьмом красном...

*Где оно сейчас? (строки 1–19)  
Граф Александр Ильич Ростов,  
1913 г.*

21 июня 1922 г.

ЗАСЕДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИТЕТА  
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ  
ПО ДЕЛУ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА РОСТОВА

в составе: товарищи Игнатов В.А.,  
Заковский М.С., Косарев А.Н.

Прокурор: Вышинский А.Я.

---

Вышинский: Ваше имя?

Ростов: Граф Александр Ильич Ростов, кавалер ордена Святого Андрея, член Клуба жокеев, егермейстер.

Вышинский: Нас не волнуют ваши титулы. Вы — Александр Ростов, родившийся в Петербурге двадцать четвертого октября 1889 года?

Ростов: Да, это я.

Вышинский: Должен заметить, что я еще никогда в жизни не видел пиджака с таким большим количеством пуговиц.

Ростов: Спасибо.

Вышинский: Я сделал это замечание не в качестве комплимента.

Ростов: В таком случае я требую сатисфакции за нанесенное оскорбление.

*(Смех.)*

Секретарь Игнатов: Тишина в зале!

Вышинский: По какому адресу вы проживаете?

Ростов: Москва, отель «Метрополь», номер триста семнадцать.

Вышинский: И как долго вы там живете?

Ростов: Начиная с пятого сентября 1918 года. Почти четыре года.

Вышинский: Род занятий или профессия?

Ростов: Джентльмен считает ниже своего достоинства иметь профессию.

Вышинский: Хорошо. Чем тогда вы занимаетесь?

Ростов: Обедаю, обсуждаю, читаю, думаю. Заполняю время обычными пустяками.

Вышинский: Вы пишете стихи?

Ростов: Было время, когда мне это было не чуждо.

Вышинский (*Поднимает руку, демонстрируя тонкое печатное издание.*): Вы являетесь автором напечатанного в 1913 году стихотворения под названием «Где оно сейчас?».

Ростов: Да, мне приписывают авторство этого стихотворения.

Вышинский: Почему вы его написали?

Ростов: Стихотворение написалось как бы само собой. Так получилось, что однажды утром я сидел за письменным столом и оно буквально вылилось на бумагу.

Вышинский: И где именно это произошло?

Ростов: В южном крыле Тихого Часа.

Вышинский: Тихого Часа?

Ростов: Это поместье Ростовых под Нижним Новгородом.

Вышинский: Понятно. Ну, конечно, как трогательно. Но давайте вернемся к стихотворению. После подавления революции 1905 года многие восприняли его как призыв к действию. Вы согласны с такой трактовкой?

Ростов: Любая поэзия в той или иной мере — призыв к действию.

Вышинский (*Сверяясь с бумагами.*): И весной следующего года вы отбыли из России в Париж?

Ростов: Я помню, что тогда цвели яблони... Да, судя по всему, это произошло весной.

Вышинский: Точнее — шестнадцатого мая. Мы понимаем причины, которые подтолкнули вас к отъезду за границу, и более того, в чем-то даже вам сочувствуем. Но сейчас нас больше волнует то, почему вы вернулись в Россию в 1918 году. Вы приехали с оружием в руках бороться с революцией?

Ростов: К тому времени у меня полностью пропало желание брать в руки оружие.

Вышинский: Так почему же вы вернулись?

Ростов: Соскучился по здешнему климату.

(Смех.)

Вышинский: Граф Ростов, вы, судя по всему, не осознаете серьезности своего положения. И не выказываете достаточного уважения людям, которые здесь собрались.

Ростов: Императрица в свое время высказывала мне претензии по тем самым вопросам, которые вы упомянули.

Игнатов: Прокурор Вышинский, позвольте мне...

Вышинский: Конечно, секретарь Игнатов.

Игнатов: Граф Ростов, я вижу, что многие в зале находят ваше поведение забавным, а вас лично — милым и очаровательным. У меня есть свое четкое мнение о вас и людях вашего класса. История показывает, что расчет на шарм — последняя надежда нетрудового класса. Меня удивляет лишь то, что тот, кто написал такое стихотворение, превратился в человека, у которого нет абсолютно никакой цели в жизни.

Ростов: Я всю жизнь был убежден в том, что цель и смысл жизни человека известны одному Богу.

Игнатов: О да. Это очень удобная жизненная позиция.

*(Комитет уходит на совещание, которое длится двенадцать минут.)*

Игнатов: Александр Ильич Ростов, мы выслушали ваши показания и пришли к следующему выводу: бунтарский дух, которым вы некогда обладали и который подтолкнул вас к написанию стихотворения «Где оно сейчас?», бесследно исчез. Вы превратились во враждебный рабочему классу элемент, изменивший идеалам, которых вы когда-то придерживались. Мы бы с большим удовольствием приговорили вас к расстрелу, но в высших эшелонах партии есть люди, которые высоко ценят ваше написанное до революции стихотворение как вклад в правое дело рабочих и крестьян. Поэтому Комитет выносит следующее решение: вы приговариваетесь к заточению в отеле, который так любите. Но учтите: если вы когда-либо покинете «Метрополь», вас немедленно расстреляют. Уведите подсудимого.

Заверено подписями товарищей:

*Игнатова В.А., Заковского М.С.*

*и Косарева А.Н.*

## КНИГА ПЕРВАЯ

1922

### «Посол»

Двадцать первого июня 1922 года в полседьмого вечера графа Александра Ростова вывели из Кремля на Красную площадь. День был безоблачным и прохладным. Граф шел широкими шагами, жадно вдыхая воздух, как пловец после заплыва. Небо было такого же ярко-синего цвета, как синева на куполах собора Василия Блаженного. Казалось, купола собора с их буйством розового, зеленого и золотого цветов свидетельствовали о том, что религия создана только для того, чтобы радовать глаз Господа. Молодые большевички, стоявшие около витрин ГУМа, принарядились, чтобы встретить этот погожий летний денек.

— Здравствуй, милейший, — бросил на ходу граф Федору, стоявшему около арки при выходе с Красной площади. — Рано в этом году черника пошла.

Граф не стал ждать ответа продавца черники, подкрутил усы, похожие на раскинувшиеся в полете крылья чайки, и прошел сквозь Воскресенские ворота. Оставив слева благоухающие цветники Александровского сада, он двинулся направо, в сторону Театральной площади, на противоположной стороне которой располагался отель «Метрополь». Дойдя до дверей отеля, граф подмигнул швейцару Павлу, работавшему в дневную смену, и повернулся лицом к двум сопровождавшим его солдатам.

— Спасибо, уважаемые, за то, что доставили меня до отеля в целости и сохранности. Больше ваша помощь не требуется.

Несмотря на то что солдаты были немалого роста, им пришлось поднять голову, чтобы посмотреть в глаза графу. Точно так же, как и его предки по мужской линии, граф был человеком высоким, рост его составлял сто девяносто сантиметров.

— Проходи, — мрачно ответил один из солдат, вид у которого был более бандитский, чем у его товарища. — У нас приказ доставить тебя до комнаты.

Зайдя в фойе отеля, граф приветственно махнул рукой безукоризненно одетому консьержу Аркадию, стоявшему на ресепшене, и милейшей горничной Валентине, которая сметала метелочкой пыль с мебели. Несмотря на то что граф уже сотни раз таким образом их приветствовал, в этот час сотрудники отеля посмотрели на него с удивлением и страхом. Вид у них был такой, словно они увидели человека, который явился на званый обед без штанов.

Граф прошел мимо девочки, имевшей пристрастие ко всему желтому, которая удобно устроилась в одном из кресел фойе с журналом в руках, и резко остановился перед парой растений в огромных кадках, чтобы обратиться к следовавшим за ним красноармейцам:

— На лифте или по лестнице, уважаемые?

Солдаты недоуменно переглянулись, после чего снова уставились на графа. Судя по всему, они не были в состоянии определиться в этом простом вопросе.

«Как же мы можем рассчитывать, что солдаты примут правильное решение на поле битвы, — подумал граф, — когда они не в состоянии решить, как именно они собируются добраться до нужного этажа?»

— По лестнице, — произнес граф и начал подниматься, переступая сразу через две ступеньки, как привык еще в лице.

На третьем этаже граф прошел по застеленному красным ковром коридору до своего номера, состоявшего из спальни, ванной и столовой, а также просторной гостиной. Огромные окна номера выходили на Театральную площадь. Тут графа ждал неприятный сюрприз. Двери его

номера оказались открытыми, а перед ними стояли офицер Красной армии, а также Паша и Петя, работавшие в отеле носильщиками и коридорными. Паша и Петя имели весьма смущенный вид, словно их заставили делать то, что было им совсем не по душе. Граф обратился к офицеру:

— Что все это значит?

Офицер выдержал паузу. Казалось, он был немного озадачен вопросом графа.

— Я должен сопроводить вас до вашей комнаты.

— Мы перед ней стоим. Это мой номер.

На губах офицера появилась чуть заметная улыбка.

— Уже нет, — спокойно ответил он.

Оставив Пашу и Петю около открытой двери номера, офицер провел графа и двух красноармейцев по узкой служебной лестнице, на которую он вышел через не обозначенную номером или табличкой дверь в коридоре. Света на лестнице было явно недостаточно, и через каждые пять ступеней она делала резкий поворот. Было такое ощущение, будто они поднимались на колокольню. Наконец на шестом этаже они вышли в узкий коридор с шестью дверями, похожими на двери монастырских келий. Раньше в этом коридоре проживала прислуга гостей «Метрополя», но после того как господа перестали путешествовать со своими дворецкими и лакеями, комнаты на чердаке стали использовать в качестве мест для хранения сломанной мебели и самого разного хлама.

Они вошли в дверь ближайшей к лестнице комнаты, и граф увидел, что мусор из нее недавно вынесли, оставив в ней лишь железный каркас узкой кровати, пузатое бюро на трех ножках и слой пыли, который копился здесь не один год. Рядом с входной дверью была расположена кладовка размером с телефонную будку. Складывалось ощущение, что кладовки здесь не было после сдачи отеля и ее пристроили позднее. Потолок этой чердачной комнаты шел под наклоном к окну, и граф, очень высокий, стоять в полный рост мог только около входной двери. На проти-

воположной от двери стене находилось слуховое окошко размером с шахматную доску.

Два красноармейца остались в коридоре, откуда осматривали внутренность комнаты с ухмылками на лицах. Офицер объяснил, что вызвал двух коридорных для того, чтобы перенести личные вещи графа из номера на третьем этаже в эту комнату.

— Но все вещи здесь явно не поместятся, — заметил граф. — Что станет с имуществом, которое сюда не войдет?

— Оно станет собственностью народа.

«А-а-а, вот, значит, как «народ» приобретает собственность», — подумал граф.

— Хорошо.

Они спустились вниз по узкой лестнице. Приклады винтовок конвоиров громко бились о ступеньки и стены. На третьем этаже граф подошел к коридорным, на лицах которых застыло самое трагичное выражение.

— Ну так вот, — решительным тоном произнес граф и начал показывать на предметы пальцем. — Это, это, вот то. И *все* книги.

Для своего нового жилища он выбрал два стула с высокими спинками, кофейный столик в восточном стиле, принадлежавший его бабушке, а также свой любимый фарфоровый сервиз. Граф решил взять две настольные лампы, украшенные вырезанными из черного дерева слонами, а также портрет своей сестры Елены, написанный Серовым во время одного из его посещений поместья Тихий Час в 1908 году. Не забыл граф захватить и кожаный чемодан, изготовленный на заказ лондонской фирмой «Эспри», и который в свое время его близкий друг Мишка очень точно окрестил «послом».

Кто-то принес из камеры хранения отеля чемодан графа, в который он тут же начал собирать личные вещи из спальни, пока коридорные относили наверх остальные предметы. Он обратил внимание на то, что красноармейцы бросали жадные взгляды на стоявшие в гостиной две

бутылки коньяка, и положил их в чемодан. После того как собранный чемодан отнесли наверх, граф указал на письменный стол.

Двое коридорных, чьи ярко-синие ливреи были уже перепачканы пылью, взяли стол с обоих концов.

— Ох, да он просто неподъемный! — произнес один из них.

— Король не может жить без замка, — наставительно заметил граф, — а джентльмен без своего письменного стола.

Стол вынесли в коридор, и напольные часы деда Ростова, которые граф не смог взять из-за отсутствия места в его новой комнате, грустным боем пробили восемь часов. Офицер уже давно исчез, а два скучающих конвоира-красноармейца размазались по стене и курили папиросы, небрежно стряхивая пепел на паркет. За выходящим на северо-запад окном было светло, как в разгар дня. Не будем забывать, что это был день летнего солнцестояния. Граф с грустью покидал свой номер. Сколько раз он стоял в халате перед этим окном с чашкой утреннего кофе в руках, наблюдая, как на извозчиках к подъезду отеля прибывали уставшие путники, приехавшие ночным поездом из Петербурга? А морозными зимними вечерами сколько раз провожал он взглядом одинокую фигуру пешехода, освещенного зыбким светом уличных фонарей? В тот вечер граф в окне увидел, как с северного угла в здание Большого вбежал молодой офицер, на полчаса опоздавший к началу оперы или балета.

Глядя на офицера, граф вспомнил дни своей молодости, когда и он, бывало, не раз являлся в театр после того, как зрители уже расселись, а балерины вышли на сцену. Он мог задержаться в Английском клубе, говоря себе и окружающим, что выпьет еще один бокал, после чего получалось, что выпивал три. Потом он прыгал в ждавшую его карету, несся в Большой и стремительно взбегал по ступеням перед входом в театр, как этот молодой офицер Красной армии. На сцене уже стояли балерины на пуан-